

«ТРАНСГУМАНИЗАЦИЯ» СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИЛЬИН Георгий Леонидович – д-р пед. наук, проф. E-mail: gor-946@yandex.ru
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Адрес: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

Аннотация. Определяется понятие «трансгуманизм». Описываются изменения в образовании на фоне взрывного характера развития наук, в особенности комплекса НБИКС-технологий, грозящих созданием сообществ человекообразных роботов и «служебных людей». Указываются исторические параллели, смягчающие остроту опасений. Отмечаются признаки дегуманизации отечественного образования: потеря исторической ориентации учащимися в результате пользования Интернетом, появление институционального элитарного образования и падение качества массового образования. Все изменения вместе, включая инновации нового времени, такие как ЕГЭ вместо оценки учителя, педагогические технологии в ущерб педагогическому мастерству, небывалое усиление административного контроля учебного процесса и вместе с тем утрата контроля мотивации учения, – способствуют утрате образованием его гуманистической направленности. В свете данных изменений создаётся впечатление своего рода «трансгуманистического» направления развития отечественного образования. Приходится признать, что прежний мир с его гуманистическими ценностями сменяется новыми ценностями, мало похожими на гуманистические.

Ключевые слова: трансгуманизм, НБИКС-технологии, сингулярность, информационное общество, Интернет, ценность информации, обучение и образование, массовое обучение и элитарное образование

Для цитирования: Ильин Г.А. «Трансгуманизация» современного образования // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 133-142.

Недавно рождённый термин «трансгуманизм» стал ныне популярным не только в философских кругах, но и в отдалённых от них областях социальной практики. «Транс-» в данном случае означает выходящий за пределы гуманизма, превосходящий его по соответствию общественным ожиданиям и вообще имеющий в виду «другого» человека. Прежний гуманизм (лат. *humanus* – человеческий, человечный) представляется обветшавшим понятием, оно сменяется современным пониманием человека, заложенным как раз в понятие «трансгуманизм».

Гуманизм известен издавна. Философы различают античный гуманизм (Сократ, Конфуций), теистический (Фома Аквинский), гуманизм Просвещения (Пико делла Мирандола), гуманизм научного коммунизма (К. Маркс), атеистический гуманизм

(Ж.-П. Сартр). Все эти виды гуманизма отражают исторические периоды, в которые они возникали: античное просвещение, средневековое просвещение, просвещение Нового времени, коммунистическое и модернистское просвещение. Просвещение в данном контексте характеризуется распространением на том или ином этапе истории определённой идеи отношения человека с миром.

Нынешний период просвещения характеризуется небывалым развитием науки и её практических приложений. Причём развитие наук сопровождается их взаимодействием друг с другом – как двусторонним, так и многосторонним, появлением новых научных направлений, синтезирующих физику с астрономией, биологию – с геной инженерией, искусственный интеллект – с изучением когнитивных процессов, нанотех-

нологии – с получением новых материалов с заданными свойствами. Возникают НБИКС-технологии, т.е. объединения нано- и биотехнологий, искусственного интеллекта, когнитивных и социальных технологий. Если М.В. Ломоносов писал: «широко распространяет химия руки свои в дела человеческие» [1], подчеркивая важность химии для научных и практических исследований, то ныне это же можно сказать о самых разных видах научной практики – физической, биологической, психосоциальной. И действуя все вместе, во взаимодействии, они создают кумулятивный эффект, намного превышающий воздействие каждой из них в отдельности. Эффект, который производит получаемое воздействие, влияет не только на учёных, но и на общество, в котором происходят изменения. Этот эффект предполагает оценку происходящих изменений и их возможных последствий.

В самом деле, исследования микромира на квантовом уровне, поиски бозона Хигса и т.п. могут привести к тому, что рано или поздно неуёмное любопытство учёных будет прекращено не только недостатком финансирования, но и открытием или происшествием чего-то весьма неприятного не только для исследователей, но и для всего мира. Чего-то вроде чернобыльской катастрофы, которая также явилась следствием научного эксперимента. Такого же рода «наказания за любопытство» можно ожидать и от исследований макрокосмоса, изучения планет и космического пространства. Это пространство, в которое нас призывал выйти из «колыбели Земли» ещё К.Э. Циолковский, вовсе не столь безопасно, как думали прежде. Генетика сделала возможным воспроизводство любого живого существа по его геному. Открываются перспективы – от воссоздания динозавров и фараонов до клонирования ныне живущих существ. Помимо экспериментальных трудностей, эти опыты сталкиваются с законодательными запретами, в особенности в отношении клонирования человека (хотя бы потому, что людей и без того на Земле более чем достаточно).

Но особую тревогу вызывают исследования в робототехнике, соединённые с исследованиями по искусственному интеллекту. В самом деле, механическое создание наделяется способностью принимать решения в зависимости от условий, в которых совершается операция, т.е. приобретает тем самым характер человеческого действия. По мере развития программирования зависимость робота от человека, составляющего программу операций, становится тем слабее, чем более самостоятельными становятся принимаемые решения. Наконец ниточка зависимости обрывается, и наступает технологическая «сингулярность» – переход робота на автономное существование, независимое от человека, включающее определение целей деятельности и средств их достижения, обеспечение собственной безопасности, поиск и использование источников питания, ремонт и даже воспроизводство, если понадобится. Следует иметь в виду, что компьютеры уже сегодня связаны всемирной сетью, и подключение автономного робота к сети таких же роботов многократно увеличивает их могущество и делает действия их сообщества непредсказуемыми.

Опасения общества возникают в связи с ролью, которая при этой «сингулярности» отводится людям, связанным с роботами. Прежде всего, сохранится ли у роботов понятие гуманного отношения к человеку, особенно если иметь в виду боевых роботов? Или бездушная техника, напичканная электронными мозгами и превосходящая *Homo sapiens* по физической мощи и интеллекту, сделает из него раба, клиента, вассала, прислужника, наёмного работника? Разумеется, это перспектива далёкого будущего, но проблема занятости населения в связи с автоматизацией и роботизацией производства возникает и сегодня. При этом и механизацию, и автоматизацию человечество благополучно переживает, так, может быть, и роботизация не так уж страшна, как ныне представляется? Может быть, не так страшен чёрт, как его малюют?

[2; 3]. Однако сторонники концепции сингулярности думают иначе [4–6]. Сингулярность и есть для них переход от гуманизма к трансгуманизму, от человеческого сообщества к сообществу роботов, в котором люди либо перестают существовать как вид, либо выполняют служебную функцию. «Свойство популяции “служебных” людей очень простое – ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, что это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением. И третья вещь – дешёвый корм, это генно-модифицированные продукты» [7].

Действительно, созданный человечеством мир с его технологиями энергетики, транспорта, связи, добычи полезных ископаемых, сельскохозяйственной продукции, лесного хозяйства, рыболовства и даже охраны живой природы – весь этот мир существует только для самих людей, для удовлетворения их потребностей. И развитие этих потребностей уже привело мир на грань катастрофы: недостаток воды, еды, невыносимые экологические условия жизни не только для человека, но и живого мира (млекопитающих, рыб, насекомых и пр.), разнообразие которого уменьшается по мере увеличения численности людей на планете. Добавим конфликты и войны за ресурсы (территориальные, нефтяные, водные, пищевые и т.п.). Предлагаемый проект перехода к трансгуманизму, казалось бы, один из многих, призванных если не разрешить, то смягчить некоторые проблемы современного мира, такие как сокращение промышленного производства для улучшения экологии; утилизация промышленных и бытовых отходов; георазведка подземных водных ресурсов для орошения пустынь; искусственное воспроизводство животной и растительной пищевой продукции (птица, свинина, говядина, рыба, морепродукты и пр.); интенсификация земледелия путём создания генно-модифицированных продуктов растительного и животного происхождения; возобновляемые источники энергии (гидроэлектрические,

солнечные, ветровые, приливные, геотермальные).

Трансгуманизм отличает решение, изменяющее самого человека, – создание на его основе иной генерации людей, обладающих новыми качествами, слабо развитыми или несвойственными человеку как таковому. Если в эпоху Возрождения человек провозглашался существом равным Богу, Создателю мира, то теперь, с изменением божественных качеств, заложенных в человеке Создателем, он становится вне традиционной связи «Создатель – человек». Новый человек-робот становится не просто атеистом, он становится существом, не знающим Бога, ибо вера – иррациональна, а новый человек будет рационален изначально, в соответствии с цифровыми технологиями, которые будут заложены в нем [8]. О серьёзности намерений энтузиастов идеи роботизации свидетельствует инициатива Европарламента, согласно которой совершенствование искусственного интеллекта роботов, рост их автономности и численности должны повлечь за собой присвоение им статуса «электронных личностей» [9].

Проект трансгуманизма нельзя признать новым в свете истории нашей страны. В 1920-е годы был создан проект «нового человека» будущего коммунистического общества, описанный в книге Н. Бухарина и Е. Вознесенского «Азбука коммунизма» [10]. В какой-то мере он был реализован в «советском человеке», провозглашённом в 1961 г. Хрущёвым и закреплённом в 1971 г. на очередном съезде партии Брежневым. Этот проект предполагал богоборчество и построение царства божия на земле, то есть в земной жизни. Вначале он следовал идеям мировой революции марксизма и троцкизма, затем был сменён имперскими идеями Сталина, укрепился во времена Хрущёва и Брежнева и был аннулирован в результате «перестройки» Горбачёва. Ныне мы стремимся присоединиться к современному проекту «нового человека», следуя тенденциям развитых стран: разрабатываем робототех-

нику, создаём инкубаторы для выращивания компетентных кадров, ищем «лидеров нации», провозглашаем цифровую экономику. Это подключение совершается не на идеологической основе «мировой революции» против несправедливости и не на идее классовой борьбы, а на основе развивающихся технологий современного сообщества, стремящегося не просто к изменению условий жизни, но к выживанию в борьбе одних стран с другими странами, к решению проблем, возникающих в био- и ноосфере Земли под влиянием деятельности самих людей.

Насколько новый, глобалистский, т.е. охватывающий весь земной шар, проект соответствует развитию мирового сообщества? Не окажется ли он очередной утопией вроде нацистской, которая также была основана на научно-технических достижениях, проводила селективную политику по избавлению от «лишнего» населения и созданию из оставшихся «служебных» людей?

* * *

Рассмотрим перспективы нового проекта в контексте реалий современного российского образования. Покажем, что все реформы последних десятилетий ведут его, по существу, к культивированию свойств «служебных» людей, в определении М.В. Ковальчука, обладающих «ограниченным самосознанием». Эти реформы совпали с экономическим кризисом и последующей «перестройкой», подорвавшей иммунитет российского общества. Они проходили под знаком «экономической целесообразности», под нож которой попали и перспективные деревни, и неэффективные промышленные предприятия, и пенсионное обеспечение, и медицинское обслуживание, и общее образование, над которым навис принцип подушевого финансирования. Словом, всё, не приносящее доход. Но были и обстоятельства общемирового значения, затронувшие все страны.

Прежде всего, следует отметить *изменение условий современного обучения* –

обилие сведений, в которых должен ориентироваться учащийся, сведений не только учебных, но и сопутствующих, не только научных, несомненных, но и недостоверных, непроверенных, не только получаемых от учителя, но и поступающих извне, порой противоречивых. Мы вошли в общество, которое принято называть информационным, отличающимся множеством источников информации и средств связи, обеспечивающих обмен сообщениями между практически любыми точками земного шара. Подчеркнём: это не средства получения массового знания, источником которого была школа и стоящие за ней наука и социальная практика, а средства массовой информации.

Различие между знанием и информацией можно определить следующим образом. Знания – это проверенный практикой общества результат познания действительности, главные особенности которого – систематичность и непротиворечивость, объективность и независимость от желаний и воли людей. Информация – это сведения любого характера, выражающие чаще всего мнения говорящих, их отношение к ранее высказанному, иногда сомнительной достоверности, и зачастую противоречащие друг другу.

Основным средством массовой информации является Интернет – всемирная сеть, объединяющая пользователей друг с другом и с базами данных. Интернет стал частью учебного процесса, более основательной, чем радио и телевидение, претендовавшие на эту роль ранее, но так и оставшиеся техническими средствами обучения. Интернет позволил каждому учащемуся находить нужную информацию по любому запросу, что приводит в смятение учителей, ожидающих услышать от учащихся сказанное на уроке. Возник диссонанс между школьными знаниями и информацией. Интернет оказался средством, позволяющим заменять естественную память человека внешней памятью – записной книжкой, хранящей не только личные записи и снимки, но и данные, известные всему человечеству. В результате

у школьников стала утрачиваться память, а их знания, и без того не отличавшиеся прочностью и долговременностью, стали ещё более неустойчивыми и кратковременными. Впрочем, Интернет – такой же продукт цивилизации, как электричество, газ, канализация, холодная и горячая вода, добавим к этому списку ещё продукты первой необходимости. Всё это всегда под рукой и потому в исправном состоянии не осознаётся. Так, наличие калькулятора освобождает от необходимости выучивания таблицы умножения, печатная клавиатура – от овладения основами каллиграфии, а наличие мобильного Интернета, хранящего сведения о чём угодно, – от необходимости развития памяти.

Но Интернет оказался также средством промывки мозгов, разрывающим преемственность поколений, позволяющим переоценивать традиционные ценности (моральные, эстетические, научные, бытовые), причём как национальные, так и общечеловеческие. В результате постоянно пересматривается история не только Советского Союза, но и России. И речь идёт не об уточнениях и дополнениях, а непременно о радикальном пересмотре, освобождении от «мифических» представлений прошлого. Для нового поколения прежние сведения, выступавшие для родителей как знания безусловные, заменились более свежей информацией, соединённой с современным контекстом, хотя и не более достоверной. Это ведёт к *исторической дезориентации общества и его членов*.

Вторая особенность образования в контексте концепции трансгуманизма определяется проблемой ценности знаний. В информационном обществе информация обретает стоимость. Речь идёт не о стоимости образования или оплате преподавания, хотя эти проблемы сейчас кажутся наиболее острыми. Гораздо важнее понять, что знания (как и информация) не просто имеют ценность – они имеют различную ценность. Ценность эта определяется, во-первых, трудом, потраченным на

их получение, и, во-вторых, возможностью их использования. Если первое составляет их «себестоимость», то второе – «потребительную стоимость» знаний. Эти два рода стоимости выступают как совершенно самостоятельные. Знания, на которые в своё время были затрачены значительные интеллектуальные ресурсы, ныне могут потерять всякую ценность, и напротив, актуальная потребность в знаниях или хотя бы в информации может удовлетворяться суррогатами *ad hoc* (для данного случая), созданными на скорую руку, но оцениваемыми неоправданно высоко из-за отсутствия подлинных знаний.

Поэтому можно говорить о двух шкалах ценности учебных знаний: культурно-исторической и актуальной. Первая оценивает знания по объёму интеллектуальных усилий и материальных средств, которые были затрачены на их добывание, доказательство, на подтверждение их истинности и которые определяют «себестоимость» этих знаний. Эта шкала используется преимущественно учителями и преподавателями, авторами учебников, научным и образовательным сообществом, обществом в целом. Знания данной шкалы в значительной степени можно считать фундаментальными. Вторая шкала в качестве главного критерия оценки использует полезность знаний и информации, их пригодность к использованию в повседневной жизни и предполагает получение непосредственного эффекта от их применения. Эта шкала более свойственна обучающимся и работодателям. Оценка знаний здесь в большей степени носит прикладной характер. Возможно возражение, что ценность знаний определяется их истинностью. Это верно, но мы намеренно обратились к тем аспектам ценности знаний, которые до сих пор игнорировались. Одной истинности знания недостаточно, чтобы оно было оценено потребителем знания. Как правило, высоко оценивается то, что отвечает потребностям. Более того, истинные знания, не отвечающие актуальным об-

разовательным потребностям, могут игнорироваться и даже отвергаться.

Признание важности дифференцированной оценки знаний влечёт за собой вывод о неэффективности ныне существующего массового (всеобщего и обязательного) образования. В самом деле, знания, доступные всем, всеобщие и обязательные для учащихся, имеют довольно низкую ценность, в то время как знание уникальное, эзотерическое, доступное немногим ценится высоко. Поэтому чем более доступным будет тот или иной вид образования, тем меньше будет его престиж, тем меньше будет интерес к нему. Отсюда – падение мотивации к учению, столь характерное для общеобразовательной школы, и потребность её реформирования за счёт ранней специализации.

Так возникает идея элитарного образования и, как следствие, – подготовки компетентных специалистов, получивших такое образование и занимающих ключевые позиции в современном обществе. При этом парадокс «демократии» проявляется в том, что люди, не имеющие должного образования, знаний и опыта, также могут занимать высокие посты и конкурировать со специалистами благодаря своим личным качествам: решительности, воле, сметливости, а также наглости, самоуверенности, презрению к «общечеловеческим ценностям» – качествам, казалось бы, не имеющим отношения ни к образованию, ни к науке. То есть на вершине власти оказываются подчас одновременно люди и высокообразованные, и мало, а то и вовсе необразованные. При этом возникает своеобразное разделение труда, симбиоз, в котором одни не могут обходиться без других.

Идет процесс разделения образования даже не на общее и высшее или фундаментальное и прикладное, а на элитарное – для немногих и массовое – для учащихся, утративших мотивацию к учению и не желающих учиться даже общим знаниям. Они переносят это нежелание и на высшее образование, которое стало доступным для большей части поступающих благодаря введению платного

обучения; целью при этом является получение диплома, а не овладение специальностью.

Словом, элитарное образование означает социальное расслоение общества на элиту и «служебных» людей и, казалось бы, не представляет ничего нового. Так было и прежде, в рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические времена, так продолжается и в нынешнюю постиндустриальную эпоху: всегда были и есть люди «в синих воротничках», обслуживающие других людей. Это особенность любого общества, в том числе «сервисного», каким ещё называют постиндустриальное общество. *Но нынешнее понимание «служебных» людей связывается с роботами, которые призваны аннулировать само человечество и его проблемы.*

Третьей особенностью современного – не только российского – образования следует назвать *появление непрерывного образования и отделение образования от обучения*. Непрерывное образование означает длящегося в течение всей жизни человека. В таком виде оно не может называться обучением, потому что обучение – это процесс, протекающий в специально организованных условиях по учебному плану, имеющий цели, задачи, средства обучения и прочие характеристики учебного процесса (объём занятий, их продолжительность, способы проверки усвоения знаний). И главное – обучением руководит воспитатель, учитель или преподаватель. А непрерывное образование протекает вне стен учебных организаций, оно не связано с учебными планами и определяется не полученными заданиями, а собственными интересами и задачами личности, вытекающими из ее жизненных потребностей. При этом источником образовательной информации служит любой носитель необходимых сведений.

В России распространено понимание непрерывного образования как институционального, основанного на соединении отдельных звеньев «конечного» обучения:

дошкольной организации, начальной и средней школы, вуза, системы повышения квалификации (включая дополнительное образование для школьников и дополнительное профессиональное образование). При этом создаётся преемственность обучения, но нарушается непрерывность образования: учащийся может прервать обучение после завершения определённого уровня обучения и не вернуться к нему вновь, его образование становится «конечным». Если же понимать образование как подлинно непрерывный процесс, длящийся в течение всей жизни, то мы приходим к иному его пониманию – как личностному процессу, в котором учащийся выступает в качестве подлинного субъекта учебного процесса и который не зависит от того, находится ли он в учебной организации или нет. В любой момент своей жизни обучающийся получает или ищет, запрашивает информацию и реагирует на неё, создавая представление об окружающем мире, – это и есть непрерывное образование. В качестве непрерывного процесса образование перестаёт быть внешне организованным воздействием на учащегося – воспитанием или обучением (воспроизводством существующих общественных институтов, процессом подготовки специалистов) и становится в значительной степени личным делом обучающегося, проявлением его собственной активности (образованием личности). Этому способствует развитие дистанционной формы обучения, дающей возможность учащемуся быть более свободным в отношении времени занятий, их продолжительности, порядка и скорости усвоения материала. Критика дистанционного обучения указывает на падение качества получаемых знаний. Но нужно обратить внимание на различие качества обучения и образования. Обучение – это преподавание знаний (учителем, преподавателем), образование – усвоение этих знаний учащимся.

Качество образования – явление, определяемое мнениями оценивающего, т.е. нечто

субъективное. Но есть и объективные факторы – социальная позиция оценивающего. Можно говорить о разных позициях «заинтересованных сторон»: о студенте, школьнике, воспитаннике – человеке, которого образуют, обучают, воспитывают; или о родителях или родственниках, участвующих в судьбе учащегося; или о преподавателях, учителях, воспитателях, осуществляющих учебный процесс; или об администрации образовательного учреждения, составляющей учебные планы; или о работодателях, интересы которых должны учитываться при составлении учебных планов; или об учёном сообществе, которое должно учитывать и конъюнктуру рынка труда, и интересы развития науки.

У каждого из участников образовательного процесса имеется свой преимущественный критерий качества образования, не всегда осознаваемый. Есть критерий оценки предметных знаний учащегося, критерий оценки компетентности специалиста, критерий качества развития личности (умение «учить учиться»), критерий социального качества (способность к социальной ориентировке и социальному росту), наконец, критерий уровня образования в стране. Для учащихся (школьников и студентов), а также преподавателей и учителей основным критерием качества обучения выступают предметные знания; в компетентности выпускников заинтересованы, помимо названных, работодатели; качество развития личности является целью учащихся и в какой-то мере преподавателей, а в развитии социального качества выпускника заинтересованы и учащиеся, и общество в целом. Наиболее распространённой является оценка качества образования по его соответствию принятым образовательным нормативам, которым должен отвечать образовательный процесс (государственным образовательным стандартам – ГОС). Проблема повышения качества образования осложняется процессами превращения образования в непрерывный процесс жизнедеятельности личности.

В свете различия обучения и образования возникает сомнение, является ли государственный образовательный стандарт стандартом образования. Ведь если ГОС выступает выражением требований государства к образованию учащихся, то где же потребности остальных участников образовательного процесса? Они «тушуются» в тени ГОСа, во всяком случае, до тех пор, пока не проявятся в качестве подлинных субъектов образовательного процесса. Во всяком случае, государственный образовательный стандарт – это стандарт прежде всего качества знаний, получаемых обучающимся в данном учебном заведении, и в этом смысле он представляет собой государственный стандарт *обучения*, определяющий качество преподаваемых знаний и качество их преподавания. Вопрос же о качестве *образования* является гораздо более сложным, поскольку предполагает установление и согласование критериев оценки качества получаемых знаний, которые могут значительно различаться у субъектов образовательного процесса. Говоря о тенденциях развития российского образования, можно утверждать становление двух форм образования: *массового, базирующегося на обучении, и элитарного, основанного на образовании.*

Мы рассмотрели некоторые изменения в мировом и российском образовании в свете появления в обществе технологий, которые грозят созданием совершенного сообщества людей-роботов. Эта новая генерация призвана сменить запутавшееся в своих проблемах нынешнее человечество и либо уничтожить его, либо сделать из него «служебных людей». Это, несомненно, одна из «страшилок», которые возникали не раз в современной истории развития общества: угроза ядерной войны в геополитике, столкновение с планетой Нибиру в астрономии, глобальное потепление или похолодание в климатологии, опасность извержения вулканов в геологии, массовые эпидемии (пандемии) в медицине, гибель человечества от

экспериментов на квантовом уровне в физике, наконец, неустанные предсказания конца света, не только научные, но и религиозные. Но мир действительно меняется, и последствия изменений вызывают тревогу, даже в свете радужных перспектив, открываемых новыми технологиями.

Мы выбрали только три изменения в мировом образовательном процессе, которые свидетельствуют о его радикальных переменах:

- информационный бум, все увеличивающийся и приводящий к углублению различия между знаниями и информацией и к психологическим изменениям учащихся – ослаблению у них памяти и потере ориентации в мире информации;
- изменения в отношении к знаниям и информации, которые способствуют расслоению общества и возникновению институционального элитарного образования;
- появление непрерывного образования и двух его толкований – институционального и личностного, отделение обучения от образования и соответствующее различие качества обучения и качества образования.

Все изменения вместе, включая инновации нового времени, такие как ЕГЭ – вместо оценки учителя, педагогические технологии – в ущерб педагогическому мастерству, небывалое усиление административного контроля учебного процесса, и вместе с тем утрата мотивации учения – способствуют все большему распаду бывшего советского образования, ориентировавшегося на общее образование населения, и потере его гуманистической направленности, выраженной в социальной функции государства. В свете описанных изменений создается впечатление «трансгуманистического поворота» отечественного образования. Не следует думать, что всё описанное плохо и с ним следует бороться или игнорировать. Приходится признать, что прежний мир с его гуманистическими ценностями сменяется новыми ценностями, мало похожими на гуманистические.

Литература

1. Ломоносов М.В. Слово о пользе химии. (1751) // Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 164–181.
2. Полякова О.В. Социальные практики российского трансгуманизма // Высшее образование в России. 2015. № 8/9. С. 154–161.
3. Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–190.
4. Виндж В. Технологическая сингулярность. URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>
5. Россия 2045. Заглядывая в будущее. Ч. 1. URL: [http://www.youtube.com/watch?v=TrfpGjL\(xCk](http://www.youtube.com/watch?v=TrfpGjL(xCk)
6. Дубровский Д.И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или проблема // Россия 2045: Стратегическое общественное движение. 2012. 25.10. URL: <http://2045.ru/articles/30785/html>
7. Ковальчук М.В. Сегодня возникла реальная технологическая возможность выведения «служебного» подвида людей. URL: <http://mediamera.ru/post/24603>
8. Четверикова О. Трансгуманизм может уничтожить человека. URL: <http://kolokolrussia.ru/s-nashey-kolokolni/olga-chetverikova-transgumanizm-mojet-unichtojit-cheloveka>
9. Роботы и законодательство 2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3395647>
10. Бухарин Н., Вознесенский Е. Азбука коммунизма. М.: Госиздат, 1920. 341 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.17

С доработки 13.12.17

Принята к публикации 17.12.17

“TRANSHUMANIZATION” OF MODERN EDUCATION

Georgiy L. ILYIN – Dr. Sci. (Education), Prof., e-mail: gor-946@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Address: 1/1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The paper defines the concept of transhumanism, which denotes transition beyond the bounds of humanism and bears in mind utterly new human beings. The author views the prospects of modern education through the optics of transhumanism project, describes the changes in education on the background of explosive growth of NBICS-technologies. NBICS combine nanotechnology, biotechnology, IT, cognitive and social sciences, genetic engineering, stem cells, and cloning. These research areas converge and create a cumulative effect. One of the risks and threats of the technology growth is creation of the community of humanoid robots and “service people”. Information society changes radically the conditions of learning and teaching owing to multiple sources of information and communication facilities. Internet becomes a part of learning process and at the same time causes a discord between school knowledge and information and leads to historical disorientation in society. This is one of the signs of dehumanization of education. The second feature of education in the light of transhumanism conception is the problem of knowledge value. Now there are two scales for evaluation of knowledge – cultural and actual. The second scale uses utility and applicability as a criterion. It follows that mass accessible education is ineffective and there is a need in institutional elite education. The third feature of modern education in the context of transhumanism is an emergence of lifelong education and its separation from institutional teaching. Lifelong education ceases to be externally organized process affecting a learner and becomes a personal affair manifesting individual’s activity and self-development. Mass education is based on learning and teaching whereas elite education is based on education. The paper comes to a conclusion that this is a period of so called “transhumanistic turn” of domestic education which indicates its dehumanisation and the loss of former values.

Keywords: transhumanism, NBICS-technologies, singularity, information society, Internet, value of information, training and education, mass education, elite education, dehumanization of education

Cite as: Ilyin, G.L. (2018). [“Transhumanization” of Modern Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 1 (219), pp. 133-142. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Lomonosov, M.V. (1950). [The Word about the Benefits of Chemistry]. In: M.V. Lomonosov. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works of M.V. Lomonosov]. Moscow: Gospolitizdat Publ., pp.164-181. (In Russ.)
2. Polyakova, O.V. (2015). [Social Practices of Russian Transhumanism]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 8/9, pp. 154-161. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Tishchenko, P.D. (2014). [Russia 2045: Pit for Avatar (Reflection on the Book “Global Future 2045. NBICS and Transhumanist Evolution”)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 8, pp. 181-190. (In Russ.)
4. Vinge, V. The coming Technological Singularity. Available at: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>
5. *Rossiya 2045. Zaglyadyvaya v budushchee. Chast' 1* [Russia 2045. Looking into the Future. Part 1]. Available at: [http://www.youtube.com/watch?v=TpfGjL\(xCk](http://www.youtube.com/watch?v=TpfGjL(xCk) (In Russ.)
6. Dubrovskiy, D.I. (2012). *Kiberneticheskoe bessmertie. Fantastika ili problema* [Cybernetic Immortality. Fiction or Problem]. *Rossiya 2045: Strategicheskoe obschestvennoe dvizhenie*. Available at: <http://2045.ru/articles/30785/html> (In Russ.)
7. Koval'chuk, M.V. (2015). *Segodnya vznikla real'naya tekhnologicheskaya vozmozhnost' vyvedeniya «sluzhebno» podvida lyudei* [Today There is a Real Technological Possibility of Deducing the “Slave” Subspecies People]. Available at: <http://mediamera.ru/post/24603> (In Russ.)
8. Chetverikova, O. *Transgumanizm mozhet unichtozhit' cheloveka* [Transhumanism Can Destroy a Man]. Available at: <http://kolokolrussia.ru/s-nashey-kolokolni/olga-chetverikova-transgumanizm-mojet-unichtozhit-cheloveka> (In Russ.)
9. *Roboty i zakonodatel'stvo 2017* [Robots and the Law 2017]. Available at: <http://tass.ru/obschestvo/3395647> (In Russ.)
10. Bukharin, N., Voznesenskiy, E. (1920). *Azbuka kommunizma* [The ABC of Communism]. Moscow: Gosizdat Publ. 341 p. (In Russ.)

*The paper was submitted 30.11.17
Received after reworking 13.12.17
Accepted for publication 17.12.17*

ВУЗОВСКИЙ ВЕСТНИК

РОССИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
РЕКТОРОВ, ПРОРЕКТОРОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ, ВЫХОДИТ ДВА РАЗА
В МЕСЯЦ

Общевузовская информационно-аналитическая газета «Вузовский Вестник» рассчитанная на ректоров, проректоров, преподавателей и студентов, выходит два раза в месяц. Здесь Вы найдете эксклюзивную информацию о достижениях, проблемах и перспективах российской высшей школы, инновациях, юбилеях, новинках учебной литературы, конкурсах на замещение должностей профессорско-преподавательского состава, студенческом спорте и многом другом (Подписной индекс по каталогу Роспечати: 19368 — для индивидуальных подписчиков; 19369 — для организаций).

